

УДК 821.111-2(73)
ББК 84(7Сое)-6
УЗ6

Серия «Эксклюзивная классика»

Tennessee Williams

A STREETCAR NAMED DESIRE
THE ROSE TATTOO

Перевод с английского

Серийное оформление и компьютерный дизайн

Е. Фerez

Художник *С. Неживясов*

Печатается с разрешения литературного агентства
Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Уильямс, Теннесси.

УЗ6 Трамвай «Желание»: [пьесы : перевод с английского] / Теннесси Уильямс. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-113038-1

В этот сборник вошли две известнейшие пьесы Теннесси Уильямса — «Трамвай “Желание”» и «Татуированная роза», — положенные в основу одноименных фильмов — фильмов, которые, в свою очередь, стали классикой мирового кино.

И в обеих пьесах речь идет о женщинах и о любви. Любовь к покойному мужу Розарио годами живет и дышит затворившаяся от мира в своем непрерывном переживании трагедии Серафина Делла Роза.

Любви страстно ищет мятущаяся, надломленная, заплутавшая в мире воспоминаний и фантазий обедневшая крепольская аристократка Бланш Дюбуа.

Но если Серафине предстоит в итоге обрести счастье в новом чувстве, то Бланш суждена совсем иная судьба...

УДК 821.111-2(73)
ББК 84(7Сое)-6

© Tennessee Williams, 1947, 1950
© Перевод. В. Вульф, наследники, 2018
© Перевод. А. Дорошевич, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-113038-1

ТРАМВАЙ «ЖЕЛАНИЕ»

Действующие лица

Бланш Дюбуа.

Стелла — ее сестра.

Стэнли Ковальский — муж Стеллы.

Митч.

Юнис.

Стив.

Пабло.

Негритянка.

Врач.

Надзирательница.

Молодой человек — агент по подписке.

Мексиканка.

Разносчик.

Прохожий.

Матрос.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двухэтажный угловой домик на Елисейских Полях в Нью-Орлеане — улице между рекой и железнодорожными путями. Убогая окраина, и есть в ней, однако, в ее захудалости — не в пример таким же задворкам других великих американских городов — какая-то совершенно особая, забористая краса. Дома здесь все больше белые, пооблинявшие от непогоды, с вычурными фронтонами, обстроены шаткими лесенками и галерейками. В домике две квартиры — вверху и внизу, к дверям обеих ведут обшарпанные белые лесенки. Вечер в начале мая, только-только еще начинают собираться первые сумерки. Из-за белого, уже набухающего мглой дома небо проглядывает такой несказанной, почти бирюзовой голубизной, от которой на сцену словно входит поэзия, кротко унимающая все то пропащее, порченное, что чувствуется во всей атмосфере здешнего житья. Кажется, так и слышишь, как тепло дышит бурая река за береговыми пакгаузами, приторно благоухающими кофе и бананами. И всему здесь под настроение игра черных музыкантов в баре за углом. Да и куда ни кинь, в этой части Нью-Орлеана вечно где-то рядом, рукой подать, — за первым же поворотом, в соседнем ли доме — какое-нибудь разбитое пианино отчаянно

заходится от головокружительных пассажей беглых коричневых пальцев. В отчаянности этой игры — этого «синего пианино»* — бродит самый хмель здешней жизни. На крыльце две женщины, белая и цветная, прохлаждаются на свежем воздухе. Первая, Юнис, снимает квартиру на втором этаже; Негритянка — откуда-то по соседству: Нью-Орлеан — город-космополит, в старых кварталах люди разных рас живут вперемешку и, в общем, довольно дружно. Ритмы «синего пианино» переплетаются с уличной разноголосицей.

Негритянка (*к Юнис*). ...и вот, говорит, святой Варнава повелел псу лизнуть ее, а ее-то всю, с головы до ног, так холодом и обдало. Ну, и в ту же ночь...

Прохожий (*матросу*). Держитесь все правой стороны и дойдете. Услышите — барабанят в ставни.

Матрос (*негритянке и Юнис*). Где здесь бар «Четыре двойки»?

Разносчик. А вот с пылу, с жару...

Негритянка. Что зря деньги переводить в этой обдираловке!

Матрос. У меня там свидание.

Разносчик. ...с жару!

Негритянка. Да не польститесь у них на коктейль «Синяя луна» — ног не потянете.

* Особая, «нью-орлеанская», манера исполнения на рояле музыки в стиле «блюз».

Из-за угла появились двое — Стэнли Ковальский и Митч. Им лет по двадцать восемь — тридцать, оба в синих спецовках из грубой бумажной ткани. В руках у Стэнли спортивная куртка и пропитанный кровью пакет из мясной лавки.

Стэнли (*Митчу*). Ну, а он?

Митч. Говорит, заплатит всем поровну.

Стэнли. Нет. Нам с тобой причитается особо.

Останавливаются перед лестницей.

(*Во всю глотку.*) Э-гей! Стелла! Малышка!!

На лестничную площадку первого этажа выходит Стелла, изящная молодая женщина лет двадцати пяти; ни по происхождению, ни по воспитанию явно не пара мужу.

Стелла (*мягко*). Не надо так кричать. Привет, Митч.

Стэнли. На, держи!

Стелла. Что это?

Стэнли. Мясо. (*Бросает ей пакет.*)

Стелла испуганно вскрикивает, но ухитрилась подхватить пакет и тихонько смеется. Муж с товарищем уже снова заворачивает за угол.

Стелла. Стэнли! Куда ты?

Стэнли. Погоняем шары.

Стелла. Можно прийти посмотреть?

Стэнли. Приходи. (*Уходит.*)

Стелла. Сейчас догоню. *(К Юнис.)* Здравствуйте, Юнис! Как дела?

Юнис. Все в порядке. Да скажите Стиву, пусть уж там кормится, как сам сумеет, а дома ничего ему не будет.

Все трое смеются, негритянка еще долго не может уняться.

Стелла уходит.

Негритянка. Что за пакет он ей бросил?
(Встает, хохочет во все горло.)

Юнис. Да тише!

Негритянка. Лови — а что? *(Смех так и разбирает ее.)*

Из-за угла с чемоданом в руке подходит Бланш. Смотрит на клочок бумаги, на дом, снова на записку и снова на дом. Непонятно поражена и словно не верит глазам своим. Само ее появление в здешних палестинах кажется сплошным недоразумением. Элегантный белый костюм с пушистым, в талию, жакетом, белые же шляпа и перчатки, жемчужные серьги и ожерелье — словно прибыла на коктейль или на чашку чая к светским знакомым, живущим в аристократическом районе. Она лет на пять старше Стеллы. Блекнущая красота ее не терпит яркого света. В робости Бланш и в белом ее наряде есть что-то, напрашивающееся на сравнение с мотыльком.

Юнис *(не сразу)*. Что вам, милочка? Заблудились?

Б л а н ш (*в шутливом ее тоне проскальзывает заметная нервозность*). Сказали, садитесь сперва в один трамвай — по-здешнему «Желание», потом в другой — «Кладбище», проедете шесть кварталов — сойдете на Елисейских Полях!

Ю н и с. Ну вот и приехали.

Б л а н ш. На Елисейские Поля?

Ю н и с. Они самые.

Б л а н ш. Значит... вышло недоразумение с номером дома...

Ю н и с. А какой вы ищете?

Б л а н ш (*нехотя справляется все по той же записке*). Шестьсот тридцать второй.

Ю н и с. Тогда вы у цели.

Б л а н ш (*совершенно обескураженная*). Я ищу сестру, Стеллу Дюбуа. То есть... жену мистера Стэнли Ковальского.

Ю н и с. Здесь, здесь. Вы чуть-чуть разминувшись с ней.

Б л а н ш. Так это... — да нет, что вы! — ...ее дом?

Ю н и с. Она на нижнем этаже, я — на верхнем.

Б л а н ш. О! И ее... нет дома?

Ю н и с. Заметили кегельбан за углом?

Б л а н ш. Как будто нет.

Ю н и с. Ну, а она как раз там, смотрит, как муж сшибает кегли. (*Помолчав.*) Хотите, оставьте чемодан, сходите.

Б л а н ш. Нет.

Негритянка. Пойду скажу про вас.

Бланш. Благодарю.

Негритянка. Рада услужить. *(Уходит.)*

Юнис. Вас не ждали?

Бланш. Нет. Сегодня — нет.

Юнис. Ну что ж, заходите, располагайтесь, не дожидаясь хозяев.

Бланш. Как же?

Юнис. Да мы здесь свои люди — впусти. *(Встает и открывает дверь.)*

Загорается свет, засинела занавеска. Бланш медленно входит за Юнис. Сцена постепенно погружается в темноту, из которой выступает квартира Ковальских. Помещение, разделенное на две комнаты занавесом. Первая по основному своему назначению — кухня, но здесь же и раскладушка — на ней будет спать Бланш. Дальше — спальня. Из нее узкая дверь в ванную.

(Заметив, какое выражение у Бланш, готова постоять за своих.) Сейчас здесь не очень-то приглядно, а прибраться — квартира просто загляденье.

Бланш. Вот как.

Юнис. Да, вот так. Значит, вы — сестра Стеллы?

Бланш. Да. *(Не зная, как от нее отделаться.)*

Спасибо, что впустили.

Юнис. Por nada*, как говорят мексиканцы, por nada! Стелла рассказывала про вас.

Бланш. Да?

* Не за что *(исп.)*.

Ю н и с. Кажется, вы учите в школе.

Б л а н ш. Да.

Ю н и с. Вы прямо из Миссисипи?

Б л а н ш. Да.

Ю н и с. Она показывала снимок вашего дома, там, на плантации.

Б л а н ш. «Мечты»?

Ю н и с. Большущий дом с белыми колоннами.

Б л а н ш. Да...

Ю н и с. С таким домищем, поди, хлопот не оберешься.

Б л а н ш. Простите, пожалуйста, но я просто с ног валюсь.

Ю н и с. Ну еще бы, милая. Да что ж вы стоите... садитесь.

Б л а н ш. Я не к тому — мне бы остаться одной.

Ю н и с (*обиженно*). О! Тогда не буду путаться под ногами.

Б л а н ш. Я не хотела вас обидеть, но...

Ю н и с. Добегу до кегельбана, подгоню ее. (*Уходит.*)

Бланш в полном оцепенении остается на стуле — руки судорожно вцепились в сумочку на коленях, вся сжалась в комок, словно ее бьет озноб. Но вот невидящий взгляд ее снова становится зрячим: не спеша начинает осматриваться. Душераздирающий кошачий вопль. У Бланш дух захватило от ужаса, инстинктивно подняла руку, словно защищаясь, как вдруг замечает что-то в полуоткрытом стенном шкафу. Вскakiвает, под-

бегает и достает бутылку виски. Налила полстакана, залпом опрокинула. Аккуратно поставила бутылку на место, моет стакан над раковиной. И — снова на прежнем месте, у стола.

Б л а н ш (*шепотом*). Надо взять себя в руки.

С т е л л а (*быстро выходит из-за угла, бежит к дверям. Радостно*). Бланш!

Не отрывают глаз друг от друга. Бланш вскакивает, с громким криком бросается к сестре.

Б л а н ш. Стелла! О Стелла, Стелла! Стелла-звездочка!

Крепко обнялись.

(*Слихорадочным воодушевлением, словно ей страшно дать себе, сестре опомниться, задуматься.*) Ну, покажись же, покажись. Да не смотри ты на меня, Стелла, не надо — вот приму ванну, отдохну, тогда... И выключи верхнюю лампу! Погаси! Нечего рассматривать меня при таком нещадном свете, я не хочу!

Стелла смеется, но уступает.

Б л а н ш. Ну, иди же, иди сюда. Ах ты моя маленькая! Стелла! Стелла-звездочка! (*Обнимает ее.*) А я уж думала, ты так и не вернешься больше в это логово... Что я сказала! Вырвалось... А я хотела честь честью: ах, до чего же уютный домик!.. И такой ландшафт!.. Ха-ха! Агнец кроткий. Словечка не промолвит...

Стелла. Но ты не даешь мне и рта раскрыть. *(Смеется, но во взгляде, устремленном на Бланш, — тревога.)*

Бланш. Ну, что ж — твое слово. Открой ротик и говори, а я тем временем пошарю, нет ли чего-нибудь выпить. Знаю, знаю, уж что-нибудь спиртное у нас припрятано. Где же? А, подсмотрела, подсмотрела! *(Бросается к стенному шкафу, достает бутылку. Ее трясет как в лихорадке, попробовала засмеяться — дух перехватило. Бутылка чуть не выскользнула из рук.)*

Стелла *(замечая ее состояние)*. Садись, Бланш, дай уж я налью сама. Чем бы разбавить, не знаю. Может, кока-кола?.. Кажется, есть в холодильнике. Загляни, милая, а я...

Бланш. А ну ее, дружок, что кока-кола, когда нервы на таком взводе. Но где же... где...

Стелла. Стэнли? Играет в кегли. Любимое занятие. У них там сегодня... А, вот содовая!.. целое состязание.

Бланш. Просто воды, детка. Один глоток, запить. Не бойся, твоя сестра не заделалась пьяницей, просто ее растрясло, разморило от жары, устала, грязная... Так что сядь и объясни толком — куда я попала? Как тебя занесло в эту дыру?

Стелла. Но, Бланш...

Бланш. Ах, ну что мне кривить душой — говорить, так уж всю правду. Никогда, никогда, в самых страшных снах, не могло мне привидеть-